

嘉慶六年辛酉

ГЛАВА 1

СОРОКИ

Ни за что не поверю, что птицы могут сулить удачу.

Особенно сороки². Только послушайте, как они галдят и стучат клювами по палубе над головой, словно целая армия на цепких когтистых лапках. Каждый день перед закатом одно и то же, но сегодня пичуги разошлись похлеще обычного.

Я поднялась с циновки и постучала по потолку. Клиент, спящий в моей постели, захрапел и перевернулся на другой бок, открыв моему взору исполосованную шрамами спину носильщика-кули³. Я не осмелилась снова колотить по потолку, боясь потревожить его и лишиться ожидаемых чаевых. Пусть лучше его разбудят птицы.

Как сороки стали предвестниками счастья? Из-за той легенды, над которой любила лить слезы моя мама? Якобы каждый год в разгар лета⁴ сороки соединяют крылья, образуя мост через Млечный Путь, чтобы одинокая Ткачиха могла воссоединиться со своим возлюбленным Волопасом всего на одну ночь.

² По-китайски «сорока» созвучна слову «радость», поэтому сороки считаются символом счастья и удачи.

³ Название низкоквалифицированной рабочей силы, пришедшее в китайский язык из тамильского (досл. «заработки»).

⁴ Имеется в виду китайский аналог Дня святого Валентина, который отмечают седьмого числа седьмого лунного месяца, когда, по преданию, Ткачиха и Волопас могут увидеться единственный раз в году.

— Почему она просто не осталась с ним? — всегда недоумевала я. — Почему не попросила птиц сложить мост до земли, чтобы они с Волопасом могли спуститься вдвоем?

И всякий раз мама улыбалась такому вопросу.

— Ох, моя большеглазая Йёнг, единственного дня такого чистого счастья может хватить на целый год. Кроме того, нам же захочется рассказать эту историю и следующим летом.

Сейчас как раз стоял разгар лета. Двадцать шестого в моей жизни. Но где же тот мост, по которому можно сбежать отсюда? Где мой Волопас? А сороки гоготали в ответ: «Это не для девиц с цветочных лодок⁵! Не для шлюх! И уж точно не для тебя, Сэж Йёнг!»

От горьких мыслей меня отвлек далекий бой барабанов: так рыбаки колотят по натянутым свиным шкурам, чтобы загнать рыбу в сети, вот только сейчас неподходящее время суток, и у рыбаков ритм медленный и ровный, а тут торопливый и рваный, как удары трепещущего сердца.

Я накинула на плечи шаль, подошла к смотровому окошку, оперлась подбородком на скрещенные руки и уставилась на свой мирок.

Восемь деревянных хижин парили на сваях над затвердевшей грязью, как и всегда. Когда меня продали сюда в детстве, этой севшей на мель джонки⁶ тут не было. Теперь она выглядела такой же иссохшей и сгнившей, как старая лодка, за которую расплатились моим юным телом, ставшим ныне опустевшей гаванью. Дальше илистые отмели простирались насколько хватало глаз, пустынные, если не считать старухи на салазках, собирающей илистых прыгунов, и девчушки

⁵ Цветочными лодками на юге Китая называли плавучие бордели.

⁶ Традиционное китайское парусное судно.

с ведром для моллюсков, которая сидела в хижине, когда я вернулась через тринадцать лет.

Морской бриз охлаждал мой пот. В воздухе пахло железом и солью: надвигалась буря. Рыба, должно быть, ушла на глубину. Почему же барабанный бой рыбаков стал громче, беспорядочнее?

Где-то на рисовом поле мычали буйволы, жалобно хрюкали свиньи, им в ответ лаяли собаки, галдели сороки. Я и забыла, как здесь бывает шумно.

Я многое забыла про Санвуй. Маленькой девочке эта узкая бухта казалась разверзшейся пропастью, которая могла бы поглотить мир. Я забыла, каково это, когда все пропитано запахом рыбы: каждая доска, каждый камень. Забыла витающий в воздухе солоновато-кислый запах креветок, сушащихся на стеллажах.

А еще ил, ил, вездесущий ил. Черный и мягкий у кромки воды, но обдирающий в кровь маленькие пальцы, когда выкапываешь моллюсков. Растекаясь в глубь суши, ил становился жестче, его испещряли камни и крабовые норы, но он никогда не высыхал настолько, чтобы с гордостью именоваться грязью, и не отпускал никого и ничего, что засасывал: валуны, коряги, выброшенную на берег рыбачью джонку моего отца.

Никто не знал, где мой родитель, куда делся и жив ли. В гниющем корпусе джонки не осталось ничего ни от отца, ни от матери, от той семьи, которой мы когда-то были: ни лохмотьев веревки, ни даже знакомого пятна на палубе, лишь пустой остов, на который отец променял мою юность и который покинули духи.

Девчушка, собиравшая моллюсков, шлепала по грязи, размахивая ведром; она наклонилась, чтобы рассмотреть что-то, попавшееся ей на глаза. Я отвернулась, но слишком поздно: воспоминания уже нахлынули.

Много лет назад другая девчушка поставила ведро с моллюсками почти на то же место и подобрала ослепительно-красный гребешок. Я подумала, что подарю его новорожденному братишке или сестренке, что появится на свет со дня на день. Помню, как со смехом взвизгнула, когда краб-отшельник выставил клешню и пощекотал мне руку; я его отпустила, и он унесся прочь. Я цеплялась за это воспоминание на протяжении долгих лет, проведенных на цветочных лодках, вызывая в памяти тот последний прекрасный момент жизни «до»... но я всегда останавливалась на этом моменте, принималась петь, кричать, делать все что угодно, лишь бы не вспоминать того, что было дальше, кровь на полу этой самой каюты... нет, я не могла вынести этой мысли даже сейчас...

Внезапно все стихло, как будто мир затаил дыхание.

Ни барабанного боя, ни птиц, ни ветра... Воздух всей тяжестью навалился на меня.

Шаль соскользнула с плеч, грубая рука схватила меня за грудь.

Его жаркое дыхание заполнило ухо.

— Еще хочу.

Мое отвращение чуть стихало при мысли о его кошельке. Еще один медяк в копилку, где лежали деньги на приличную лодку, которая на этот раз будет принадлежать мне.

— Придется платить за два раза, — процедила я.

— Первый раз слишком быстро.

— Ну, тут уж я не виновата. — Я выдала самую лучезарную свою улыбку и начала было разворачиваться в сторону клиента, как вдруг что-то привлекло мое внимание.

Мимо мыса крался корабль, массивное трехмачтовое чудище, тварь из темного дерева, с парусами, которые заходящее солнце окрасило в алый цвет. Меня поразили яркие выпученные глаза, намалеванные на корпусе.

Нездешний корабль. У местных кантонских судов на носу очень редко вырезают глаза. У фукинских⁷ вырезают, но круглые, а эти были вытянутые, чуть прищуренные, как у тигра, готовящегося к прыжку.

Кули дернул меня за руку:

— Слышь, сука? Я сказал «хорошо». Плачу двойную цену.

Второй корабль, потом третий, и все с тигриными глазами. В остальном — не более чем потасканные старые джонки. Но меня не касалось, откуда они взялись, если только команда не искала отдыха, который я могла предложить за наличные. Но пока что мне нужно было утихомирить нетерпеливого клиента. На этот раз он получил больше удовольствия от того, что заставил меня по полной отработать деньги, чем от самих любовных утех. Сначала пришлось искусно потрудиться рукой, чтобы привести его в форму. Затем он пристроился ко мне сзади, сначала хрюкнул, а потом замычал, как бык, и начал двигаться в такт барабанному бою, хлеща меня косицей⁸ по лицу с каждым толчком. Я издавала подходящие ситуации звуки, а сама представляла, чем побалую себя после работы. Ломтики свежей жареной свинины или чашка сладкого соевого творога, а может, его чаевые позволят мне заказать сразу и то и другое.

Резкий стук в дверь каюты так напугал меня, что я едва не оттолкнула клиента, и тот взвизгнул от боли.

— А-Йёнг! — Это была девочка, собиравшая моллюсков. Она стучала все громче.

О чем она вообще думает?! Глупая девчонка забыла, что во время работы меня никогда и ни за что нельзя беспокоить?! Разве я не была добра к ней? Разве не отвела ей передний

⁷ Фукин — прежнее название провинции Фуцзянь.

⁸ В эпоху Цин китайским мужчинам было предписано заплетать волосы в косу.

трюм? И всегда делилась рисом в обмен на парочку моллюсков! Как она посмела мешать мне?!

Защелка выскочила из паза, дверь со скрипом открылась, а я заверещала:

— Ну-ка, вон!

Кули сорвался с места, стукнулся головой о потолок и запутался в штанах.

— Да не ты! — Я попробовала схватить его за ногу, но он увернулся. — Постой! Сначала заплати мне!

Он едва не опрокинул по пути девчонку.

— Деньги давай, ты, черепашье отродье! Заплати мне!

Я сама чуть не сбила с ног девчонку, пока, спотыкаясь, протиснулась в двери, натягивая на ходу мятую одежду. Я даже не успела застегнуть куртку, а кули уже умчался к рисовым полям.

— Смотри, что ты наделала! — Я ухватила девчонку за полу замызганной рубахи и выволокла на палубу. На лице девочки смешались пот и слезы.

— А-Йёнг, я...

Безошибочно узнаваемый треск мушкетного выстрела пронзил воздух.

Сороки сорвались с палубы, образовав над головой стрекодуший черный смерч, и с пронзительными криками улетели в сторону темнеющих холмов.

Девчонка схватила меня за руку и ткнула в сторону моря:

— Пираты!

Я насчитала пять джонок. Матросы из джонок перелезали через поручни в сампаны⁹, другие прыгали прямо в воду. На фоне заходящего солнца они напоминали вырезанные из бумаги фигурки театра теней. Никто не учил меня, что делать

⁹ Плоскодонная лодка.

в случае нападения пиратов. Они собираются грабить? Убивать? Что они сделают с женщинами и девушками?

— Беги! — завопила я.

Вернувшись в каюту, я открыла сундук, вытащила лучшую шелковую куртку и стеганую жилетку. Что еще уберечь от пиратов? Я порылась в небольшой кучке безделушек — шпильки, медные браслеты, помятое зеркало — жалкие остатки моей прежней жизни. Можно все отдать бандитам, кроме гребня из слоновой кости, который я аккуратно сунула в волосы.

Я оттащила циновку в сторону, сунула руку под половицу и вытащила кошелек, в котором успокаивающе позвякивали монеты.

Девочка закричала с порога:

— А-Йёнг! Они идут!

— Не жди меня! Беги!

Я сунула руку глубже, пока не нащупала тапочки. Вышивка зацепилась за что-то, и пришлось легонько дернуть. Повредила несколько нитей. Я прижала мягкий шелк к щеке, как будто тапочки все еще хранили тепло маминых ног.

Я надела куртку и жилетку, все остальное распихала по карманам, выбежала на палубу и, нигде не задерживаясь, сиганула вниз, на затвердевшую грязь.

Первая партия пиратов двигалась по колено в воде. Все новые и новые налетчики спрыгивали с сампанов и джонок. Уворачиваясь от куч рыбьих костей и выброшенных сетей за рыбацкими хижинами, я догнала девчонку, присевшую на краю рисового поля. Вот дуреха! Почему она не убежала вперед?

Тучи комаров преследовали нас через поле и сдались только после того, как мы ринулись через пальмовую рощу.

Но впереди нас ждало кое-что похуже жалящих насекомых. У деревенских ворот местные жители, вооруженные

бамбуковыми шестами, не давали семьям рыбаков укрыться внутри.

Один из селян заметил нас и грозно замахал шестом, и я потащила девчонку за руку, подгоняя ее.

— А-Йёнг, я не могу так быстро!

— Придется, если мы хотим проскользнуть мимо этих *пунти*!

Рыбаки из соседних хижин пытались прорваться через заграждение, но где уж им тягаться с вооруженными крестьянами.

В толпе защитников деревни я узнавала мужчин, побывавших в моей постели, хотя это мне сейчас никак не помогло бы. Эти крестьяне и мелкие торговцы называли себя *пунти*, то есть «коренной народ», и для них мы с девчонкой и мои соседи-рыбаки были всего лишь никчемными *танка*, то есть «людьми, живущими на лодках», и мало чем отличались от пиратов, которые сейчас кишмя кишели на отмели.

— Сколько этих уродов обманывали тебя, когда ты приносила моллюсков? — спросила я.

Девчонка пыталась говорить на бегу.

— Я.. не знаю. Много...

— Теперь твоя очередь обхитрить их.

Я потащила ее с тропинки в заросли высоких сорняков. Крестьяне кричали нам вслед, но здесь у нас было преимущество. Чтобы перехватить нас, им пришлось бы пробираться через густую траву, после которой будешь чесаться до конца дня.

В просвете между домом и огороженным свинарником мы смогли перевести дух. Оттуда мы попали в переулок, а потом завернули за угол и влились в толпу, двигавшуюся по рыночной площади. Мужчины тащили на спине пожилых родителей, старшие дети — младших, многие женщины отстали,

ковыляя на крошечных ножках-лотосах¹⁰. Они, может, и изящнее нас, девушек-*танка*, которые не бинтовали ног, но, по крайней мере, мы в состоянии бежать, чтобы спастись. Все спешили в храм Кун Ям¹¹, прежде чем ворота захлопнутся.

Я провела девочку по краю толпы мимо лавки, где торговали соевым творогом, а потом мимо кузницы, с трудом протиснувшись через многочисленное семейство аптекаря, чья родня уносила драгоценные травы и грибы подальше от пиратов.

Наконец вдали появился храмовый комплекс, окруженный морем людей.

— Наш единственный шанс — попасть внутрь, — сказала я.

Между нами внезапно влезла женщина с дикими глазами и дернула девочку за волосы — возможно, в поисках своей пропавшей дочери. Я не успела дотянуться до нее, как мне в лицо ударила птичья клетка. Сумасшедшая растворилась в толпе. Я выплюнула перо, и мы ринулись дальше. Молельный зал и чердаки храма были битком набиты, а маленький дворик кишел людьми. Монахи пытались закрыть тяжелые деревянные ворота, но мимо них просачивались целыми семьями, игнорируя крик: «Только женщины и дети!»

Это же мы: ребенок и двадцатишестилетняя женщина. Я подхватила девочку и бросилась к сужающемуся входу вместе с десятью или двенадцатью другими страждущими, и уже ухватилась за край ворот, когда из меня внезапно выбили дух.

— *Танка* тут не место! Прочь, шлюха!

¹⁰ Так называлась изуродованная в результате бинтования женская ступня: девочкам из состоятельных семей с детства туго бинтовали ноги, чтобы стопа не росла.

¹¹ Кантонское произношение имени китайской богини милосердия Гуаньинь.

Толстый китаец без шеи и с грушевидной фигурой погнал нас прочь. Он не был монахом: просто какой-то местный поборник справедливости. Я отпустила девочку и попыталась обойти его. Толстяк повторил мои движения. Мы продолжали этот танец крабов, а окружающие лаяли на нас, как собаки:

— *Танка-шлюха! Танка-шлюха!*

Девочка пнула толстяка по ногам.

— Иди в храм, — приказала я. Вместо этого она вонзила ногти в его плоть.

Толпа глумилась все громче.

— *Танка-шлюха! Курица*¹², живущая на воде!

Толстяк решил ткнуть девочку шестом. Я схватилась за палку, пытаясь лишить противника равновесия, но он размером и темпераментом напоминал разъяренного буйвола.

— Шлюха! Грязная тварь...

Ворота храма закрывались. Всего три-четыре шага влево, и я смогу проскользнуть внутрь. Буду в безопасности. Буду свободна. Но как же девочка? Пока я оторву ее от ноги толстяка, ворота уже закроются, оставив нас обоих на милость *пунти* и приближающихся пиратов. Я не виновата, что девочка совершила такую глупость, и все же она пыталась спасти меня.

Крики вонзились мне в уши, пробирая до костей. Я поднырнула под качающийся шест, сорвала девочку с ноги обидчика и буквально швырнула в сужающуюся щель между воротами и стеной, после чего сама бросилась следом, но было слишком поздно. Ворота захлопнулись перед самым моим носом, зажав рукав куртки огромными деревянными челюстями. Я стучала и пиналась, едва слыша собственный голос:

— Откройте! Я вам заплачу!

¹² Слово созвучно китайскому ругательству «проститутка».

Ответом мне был грохот засова, который вставили в паз.

Теперь я стала мишенью для любой кары, которой возжелал бы для меня толстяк-пунти. Я повернулась к своему мучителю, но он растворился в бегущей толпе.

В дальнем конце переулка в лучах заходящего солнца в деревню хлынули пираты.

Я попыталась высвободить рукав, но шелк не поддавался. Упершись одной ногой в ворота, я наконец выдернула куртку, оставив в шелке зияющую рану.

В нескольких шагах появился первый пират в черной повязке. Стоявший рядом старик замахнулся на него палкой. Свист ножа, после чего трость и удерживающий ее кулак скрылись в брызгах крови. Мимо протащили за волосы женщину. Куда бежать? Переулок превратился в бурлящий котел, где сталкивались множество тел, хаотично двигаясь в разных направлениях.

Увидев какого-то парнишку, протискивающегося в узкую щель между домами, я рискнула и рванула сквозь толпу. Переулок был угольно-черным, и здесь жутко несло выгребной ямой, зато можно было спрятаться до конца налета. Я поскользнулась на чем-то жирном, рухнув на кучу мусора, когда на стенах заплясал свет факелов.

Я свернулась калачиком, зажмурилась и затаила дыхание. Какой-то парень с клочковатой бородой поднял фонарик и заглянул в переулок, оскалив зубы, словно заметил меня. Я обдумывала защиту: вонзить ему ногти в глаза или резко ударить кошельком? Комок мусора в лицо, вероятно, лучшее решение.

Второй пират похлопал бородатого по плечу, и через мгновение они скрылись.

Я, спотыкаясь, вышла с другого конца переулка на затянутую дымом улочку, залитую красным светом. Две женские

фигуры выбежали из горящего дома, за ними гнались бандиты. Бумажное окно в нескольких шагах от меня вспыхнуло. Где-то внутри молила о пощаде женщина.

Все стало ясно. Мужчины налетчиков не интересовали. Половину девушек взяли с цветочных лодок и отдали на потеху пиратам. Но я не собиралась туда возвращаться. Лучше уж умереть.

Голоса заполнили переулочек у меня за спиной. Отступать некуда. Я жалась к стенам, пробираясь сквозь сумерки подальше от костров, и чуть не провалилась через открытую дверь в темную пустоту, где явственно пахло жареной курицей. Это был чей-то задний двор.

Я подергала дверь с другой стороны, но обнаружила, что она крепко заперта.

— Я из деревни. Впустите меня! — Но в ответ на стук лишь истерично залаяла одинокая собака.

Полуразрушенная каменная стена служила грубой лестницей, ведущей на крышу. Легкий дождь слегка увлажнил черепицу. Просунув пальцы сквозь щель, я смогла подтянуться, выбраться на крышу и лечь плашмя. Черепица больно колола в грудь. А нет, это мое сердцебиение. Помедленнее, сердце. Здесь ты в безопасности.

С крыши я могла видеть рыночную площадь и разворачивающуюся внизу адскую драму. Одни пираты выбегали из лавок с мешками награбленного, другие гнали женщин по грязному переулку. Собаки, встревоженные пожарами, мчались в разные стороны.

Я так вцепилась в черепицу, что даже оторвала одну. Я боялась, но меня пугали не пожары и не судьбы людей, которых я узнавала в зареве огня. Даже в детстве деревня казалась мне чужой. Достаточно вспомнить насмешки, которыми меня осыпали: «Грязная *танка*! Растет без матери! Дочь

пьянчуги!», «Оставь рыбу и проваливай. Нет, больше я тебе не заплачу». Из новенького появилась только «шлюха-танка», но смысл не особо изменился. Местные всегда относились ко мне с презрением. Так что при виде пожарищ у меня в душе ничего не дрогнуло. Я боялась только за себя.

Где-то внизу закричала женщина. Я знала, что лучше не высовываться, но подползла к краю крыши и посмотрела вниз.

Крупный мужчина повалил девочку-подростка на землю, а двое других бандитов стаскивали с нее брюки. Отвращение к мужчинам было сильнее, чем жалость к девушке: она была *пунти* и в обычных обстоятельствах бросила бы в мою сторону осуждающий взгляд. Так или иначе, у меня не было возможности что-то изменить.

Черепица сломалась у меня в руках. Мне так и хотелось скинуть ее и посмотреть, как острый осколок падает прямо на башку бандита. Если этот здоровяк подойдет чуть ближе, а я вовремя отпряну...

Чья-то рука обхватила меня за лодыжку и чуть не оторвала мне ногу.

— Спускайся! — раздался хриплый мужской голос. — А не то они тебя заметят!

Я попыталась вырваться, но он вывернул ногу так, что едва не сломал. Маленькие поросячьи глазки буравили меня в полумраке.

— Тогда пустите меня внутрь! — шепнула я.

— Ну, если бы ты не была шлюха-танка... — Мужик говорил так, словно я его отвлекла от распития вина. Он выкрутил мою несчастную лодыжку еще сильнее.

— Пустите меня! Я вас бесплатно обслужу!

— А это не тебе выбирать. Ты меня в любом случае обслужишь. — Он потянул меня за ногу.

Я поехала по скользкой от дождя крыше.

— Отпустите. Я сама.

— Лживая шлюха! Обмануть меня решила?

Он потянулся ко второй ноге. Затем раздалось удивленное хрюканье.

Гора темной плоти скользнула вниз; одна рука у него болталась, другая крепко сжимала мою лодыжку. Я пыталась схватиться хоть за что-то, надеясь удержаться, но слишком поздно поняла, что все еще держу в руках обломок черепицы.

Мужик всей тяжестью рухнул в темноту, волоча меня за ногу.

— Отпустите!

А потом цепляться уже было не за что. Ноги болтались в воздухе, кругом полыхало размытое пламя. Я поняла, что падаю. Казалось, падение никогда не закончится. Если раскинуть руки, смогу ли я полететь, как птица?

Головой я ударилась обо что-то ни твердое, ни мягкое. Жизнь утекала в темноту и тишину.

Так вот ты какая, смерть.

Тьма. Оцепенение.

Что-то ткнуло мне в спину. В ушах зазвенел чей-то смех. Щеки вспыхнули. Ко мне вернулось зрение. Глаза сфокусировались на пламени: кто-то поднес факел мне к лицу.

— Богиня свалилась с небес! — Один из пиратов рывком поставил меня на ноги, а второй наклонился поближе и ослабил.

Меня окружали мужчины, все в черном, если не считать молоденького паренька, который выделялся своей фиолетовой повязкой. Он что-то подхватил с земли и помахал у меня перед носом. Гребешок из слоновой кости! Я попыталась выхватить его, но руки мне крепко скрутили сзади. Паренек рассмеялся и сунул гребешок в складку повязки, намотанной на манер тюрбана.

— Повезло, что ты приземлилась на него, а не наоборот, — хмыкнул пират.

Я не понимала, о чем он толкует, пока меня не развернули посмотреть.

Мужик, напавший на меня на крыше, лежал скорчившись на земле, сломанная черепица застряла у него за ухом.

— Нам всем повезло, — сказал пират, могучий, как ствол дерева. Он кивнул своему приспешнику, который связал мне запястья за спиной и подтолкнул вперед. Деревня горела во круг, и даже дождь был не в силах потушить пламя.

Смерть была огнем.

Мой похититель подогнал меня к веренице шаркающих женщин. Нет! Я не хочу снова быть рабыней. Лучше даруйте мне настоящую смерть!

Я пиналась, пытаюсь попасть ему между ног, но тщетно, зато в ответ меня наградили парой оплеух и ударом колена под зад. Остатки сил утекали из меня, как ледяная река.

Смерть была льдом.

Смерть была камнями и обломками, вонзавшимися в ступни. Смерть была кулаками и пиками, толкающими меня вперед. Плечи пульсировали от боли, спутанные волосы падали на лицо, но я не могла откинуть их назад. А еще я видела распластанные фигуры, освещенные масляно-золотым сиянием, — одни двигались, другие лежали неподвижно, словно бревна. Я слышала шипение змей — или это были смех призраков и шипение капель дождя, падающих на раскаленные угли.

Смерть насмеялась надо мной, когда я проходила мимо последних домов, где у меня над головой сороки, одураченные пожарищами и принявшие их за второй закат, весело загорланили на деревьях.